

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

НА ИОРДАН

Часть 8

Путеводитель по святым местам града Иерусалима (1908):

«Так как в Иордане вода течет чрезвычайно быстро и легко может снести даже умеющего плавать, то вдоль реки протягиваются канаты, отделяющие более глубокие места от мелких. У христиан существует обычай: сорочку, в которой удостоился окунуться в водах Иордана, паломник хранит до смерти и ее надевает к погребению. На берегах священной реки паломники проводят обыкновенно несколько дней среди священных воспоминаний и разных дум, наполняющих их души при виде этой христианской святыни. Пока караван остается здесь, в походном храме совершаются все церковные богослужения, многие из паломников здесь говеют, исповедываются и святых таин причащаются»¹.

Иеромонах Серафим (1908 г.): «По окончании водосвятного молебна я, одевшись в приготовленное чистое белье, погрузился в струях Иорданских, умильно прося Бога омыть мою душевную и телесную скверну и сподобить меня удостоить второго крещения, хотя на склоне лет своей жизни принятием святой схимы, которую я и освятил здесь в святых иорданских струях, и захватил сюда специально для сей цели. Сии освященные белье и схиму я привез домой и буду беречь на смертный час, завещая похоронить себя в них, если будет на то воля Божия и по милости своей Он удостоит меня осчастливить принятием сего высшего ангельского чина.

Сам по себе в наружном виде Иордан производит впечатление глухой, маленькой речки, каких много у нас в России. На вид вода кажется мутной, молочно-беловатого цвета. Течение реки быстрое; она довольно глубока, но не широка, — приблизительно около 10 сажен. Захватив из священных струй Иордана две бутылки воды, я отправился со своими спутниками от вождя святого Иордана. Начало уже темнеть; не хотелось уезжать от этого святого места, где душа только что получила такое великое неземное утешение и радость»².

Николай Русанов (1910 г.): «Подойдя к Иордану, мы стояли на том месте, где, по преданию, крестился Господь наш Иисус Христос. Место то было не вполне удобное для погружения в воду всего нашего общества; дно реки было здесь глинистое, вязкое, берег довольно крутой и рыхлый; была только маленькая прогалина, свободная

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 195–196.

² Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 68.

от густой заросли ивняка и других растений. Несмотря на эти неудобства, мы решили было сначала окончательно расположиться в этом месте; но заметили на противоположном берегу реки очень хорошие и удобные мостки для купанья и две лодки. Долго не задумываясь, мы решились воспользоваться удобствами противоположного берега. Мы окликнули лодочника, шалаш которого и при нем маленький дворик с рыболовными и хозяйственными принадлежностями, находился на берегу. Лодочник оказался славянином, сербом, Родионом Борисовичем. Узнав, что мы русские, он весьма охотно предоставил в наше распоряжение обе свои лодки.

Скоро мы переправились на противоположный берег. Собравшись около мостков, сначала пропели „во Иордане крещающуся“, а затем был молебен с погружением Креста в воду и освящением воды. Испив иорданской воды, мы погрузились в воды Иордана. Некоторые, несмотря на течение реки, переплыли на противоположный берег реки. Омывшись и освежившись телом, мы в то же время подкрепились и освежились душой — мы испытывали чувство религиозного удовлетворения и духовного благодатного мира.

<...> По виду вода в священной реке действительно мутновата; это зависит от необыкновенно быстрого течения Иордана — этой сравнительно узкой и не особенно глубокой реки; но стоит только иорданскую воду взять в какой-либо сосуд и дать ей постоять, как вода принимает свой натуральный цвет и вкус; она делается кристально чистой, все примеси осаждаются на дно сосуда; вкус ее необыкновенно мягкий и приятный.

<...> Сердце радостно затрепетало во мне, глаза наполнились слезами, и в душе загорелась та искорка веры, которую можно раздуть в пламень, если ее не поглотит снова мирская суета. Слезши с коня, я наклонился к струям священной реки и пригоршнями наполнился из нее. Мутная от примеси ила, с илистым вкусом и легким земляным запахом, вода Иордана уступает воде не только живых ключей, но даже некоторых колодцев. Утолив свою жажду, я спустился в самую реку и окунулся в ее священные струи. Сильное течение реки, которому не может сопротивляться никакой пловец, снесло меня с того места, где я вошел, и понесло было против воли вперед вместе с камушками, скользившими у меня под ногами. Насилу я добрался до берега и здесь, ухватившись обеими руками за толстый сук ивы, погруженный по горло в струи прохладной воды, отдался охватившему меня чувству. На душе было как-то особенно хорошо, тихо и светло. Казалось, что священные струи Иордана уносили, вместе со своей водой, куда-то далеко, в пучины Мертвого моря — моря забвения, все мои житейские думы, печали и тяготы»³.

Протоиерей Александр Глаголев (1911 г.): «Мы не заметили, как подъехали к Иордану: его совсем не видно за густыми деревьями, которыми заросли его берега. На берегу священной реки о. А. А. Глаголев совершил при нашем общем пении Богоявленское освящение, после чего, при пении крещенского тропаря, мы погрузились в эти священные воды. Дно реки очень илисто, и при входе в воду приходится чуть не по пояс опускаться в мягкий грунт земли или ил. Картина Иордана чрезвычайно красива: нежно зеленая, пышная растительность — *мирсина* (мирт) окаймляет оба его берега. Невольно вспоминается пророчество Исаяи, что здесь, в Иорданской долине, „вместо крапивы взыдет мирсина“ (Ис. 55, 13). Мы набрали себе воды из священной реки, нарезали ветвей и тронулись в обратный путь»⁴.

Г. М. Добролюбов (1913 г.): «Каждый год в дни св. Крещения и св. Пасхи большие толпы паломников направляются из Иерусалима, где располагаются большим лаге-

³ Русанов Николай. Ближний Восток. Саратов, 1911. С. 251—252.

⁴ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 73.

рем, и который ярко освещенный ночью факелами, представляет собой редкое интересное зрелище. Перед самым восходом солнца, после обряда освящения воды, паломники, мужчины, женщины и дети в белых до пят рубашках при пении псалмов погружаются в воду. Но надо быть начеку. Течение настолько быстрое, что не всякий даже хороший пловец легко переплывает Иордан, несмотря на небольшую его ширину. Многие паломники уносят с собой воду Иордана, считая, что она обладает целебными качествами. Белые же рубашки, смоченные водой Иордана, многие сохраняют до смерти, чтобы быть в них погребенными»⁵.

Александр, епископ Рязанский и Егорьевский (старообрядческий) (1914 г.): «Ширина Иордана — сажень 10—20. Солнце уже начинало „садиться“, и мы поспешили погрузить свои грешные тела в священных водах Иордана. Первый разделся и сошел в воду епископ Мелетий, за ним последовали и мы в разных местах. Я сошел по ступенькам и, ухватившись за дерево, спустившее свои ветви к воде, трижды погрузился в Иордан. Вода, в особенности сразу, оказалась довольно прохладной, и я поспешил выйти; течение довольно быстрое, отчего, а может быть и от дождя, на днях бывшего, вода мутновата. Но епископ Мелетий поплавал и спускался на дно на середине реки, но дно не достал. Когда все выкупались (женщины купались в другом месте — за деревьями) и оделись, мы, напившись воды святой, пропели тропарь и кондак Богоявлению. „Глас Господень на водах“ и „величание“»⁶.

С. И. Быстров (1914 г.): «Мы встали около предполагаемого места крещения Господня и с чувством умиления запели:

— Во Иордане крещающутися, Господи!..

Эхо далеко разносило по изгибам реки слова молитвы и многократно повторяло их в отдалении. Минута была столь торжественна и возвышенна, что мы казались совершенно иными — просветленными, обновившимися. Приготовившись, мы погрузились после того, в священных водах Иордана, прося Погрузившегося здесь омыть наши грехи и соделать нас чистыми в дальнейшей жизни. Наполнив флакончики иорданской водой, мы разошлись по берегу, решив нарезать на память веток и палочек со священных мест»⁷.

Архиепископ Нестор (Анисимов) (1934 г.): «Мы прошли к тому месту, где некогда тысячи русских паломников купались в святой реке. Ясно представлялась эта величественная и трогательная картина, когда вся река была полна благоговейно радующимися людьми в белых рубашках, погружающимися в благословенные воды. По раз навсегда установленному обычаю, в Иордане купались в чистых рубашках, которые потом береглись для смертного одра. Также поступили и мы: приготовив еще заранее в Белграде чистую одежду для купания во Иордане и трижды, с молитвой погрузившись в этой одежде в воды Иорданские, будем мы теперь беречь эту одежду до смертного часа, молясь словами церковного песнопения: „Просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя“.

Солнце мягко и ласково согревало нас, воды Иордана легкой прохладой освежили и душу, и тело и казалось, что повсюду во всем мире царит та же радость, та же благодать, и свет и тепло. Казалось невозможным, что где-то есть страны, в которых в это декабрьское утро царят и холод, и мрак, и злоба, и всякие волнения. И снова душа просилась на молитву, на ту же молитву, которую привыкло повторять русское сердце

⁵ Добролюбов Г. М. Путевые заметки (по Святым местам Палестины) // Палестинский сборник, вып. 32 (95), СПб., 1993. С. 109.

⁶ Кир Александра, епископа Рязанского и Егорьевского (старообрядческого), Дневник путешествия в Палестину. М., 1916. С. 65.

⁷ Быстров С. И. По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 165.

у каждой святыни, у каждого храма, у каждого благословенного места — на молитву о великой истерзанной Родине, о нашем благочестивом измученном народе»⁸.

Александра Гаврилова (1945 г.): «Эти небеса над нами когда-то разверзлись над крестившимся Спасителем; такая же была мутная, быстрая вода Иордана; те же кусты и птичий гомон кругом; те же горы и пустыня. Место чудное. На самом берегу греческая церковь. Под навесом большая икона Крещения; много мраморных столов и скамьи вокруг — сюда стекались русские паломники. А на воде лодка и от нее цепь к цементному столбу — держись, и не унесет, не затаянет. Рассказывали, одна англичанка, хороший пловец, вздумала переплыть Иордан (ведь он же такой узкий); недалеко от противоположного берега ее задыхающуюся, выбившуюся из сил спасли и вытащили бедуины.

Мы с Мишей (сын) запаслись длинной крепкой веревкой. Сначала он вошел в воду с этой веревкой вокруг талии; окунувшись с головой три раза. Потом я вошла в своей длинной „смертной“ рубашке; а он теперь с берега держал веревку. Пережила действительно чудные мгновения. Уехали мы натошак и уже после купания завтракали под навесом на паломнических столах из своих простых запасов. Вода за столом была иорданская. Потом подоспело какое-то греческое семейство муж и жена с ребенком: люди простые, но разорились на недешевое такси. Совершали какой-то обряд над ребенком, не крещение, а, вероятно, по обету. С ними священник из монастыря Иоанна Крестителя. Он служил им на берегу, а потом, погружая с лодки крест во Иордан и зачерпнув этим крестом воду (крест полый с довольно высокими краями), возливал на головы, благословляя. И нам всем тоже. Потом батюшка подзакусил с нами. Простой, плохо одетый. Немного говорит по-русски и очень уважает русских. Пригласил нас заехать к ним в монастырь.

Перед отъездом я таки побежала по берегу вдоль по течению до поворота Иордана. В подобных местах я так люблю побыть одна. Как там хорошо! — узкая зеленая полоса по берегу, а сколько в ней жизни! Какой восторженный птичий гам; какая трескотня цикад! так бы и не уехала, осталась бы там! „Иорданские рубашки“ свою и мужа, которую я тоже намочила в Иордане, я, слегка отжав, завернула в простыню, да так и довезла домой, а здесь высушила и спрятала до своего дальнейшего дома. Иорданская вода в бутылке отстоялась и стала светлая, как слеза! Ученые говорят, что она радиоактивна. А мы, простые, что она целебна. Матушки наказывали мне беречь ее и, в случае тяжелой болезни, когда нет возможности причаститься, принимать ее вместо причастия, для облегчения. Она и не портится»⁹.

Л. Э. Родзянко (1952 г.): «С глубоким чувством, после молебна, погрузились мы во святые, быстрые воды Иордана. По древнему русскому обычаю, сорочку, в которой удостоился окунуться, паломник неприкосновенно хранит до смерти и ее ему надевают к погребению. У большинства из нас такие рубахи были заготовлены»¹⁰.

Епископ Серафим (Нью-Йорк) (1952 г.): «Перед отъездом на Иордан мы облеклись под подрясники в длинные белые полотняные сорочки, сшитые нам на Елеоне из самодельного полотна Вифанской школы. В этих сорочках мы должны погружаться в те самые священные воды, в которые некогда погружался Своим пречистым телом Спаситель мира <...> Совершили, как положено, великое крещенское водоосвящение, по окончании которого удостоились трижды погрузиться в прохладные в это время струи великой святой реки. Погружались мы на греческом месте, у того же паломнического брода, где когда-то погружались и освящались наши русские паломники

⁸ Нестор (Анисимов), архиепископ. Святая Земля. (Иерусалим и Палестина). Гонконг—Киев—Тель-Авив, 2015. С. 75—77.

⁹ Гаврилова Александра. Записки паломницы (1945—1947 гг.). Джорданвилль, 1968. С. 43—46.

¹⁰ Родзянко Л. Э. О Святой Земле и паломничествах. Париж, 1958. С. 27.

и где, по преданию, крестился Сам Господь Иисус Христос. Для погружения там устроены специальные мостки, имеющие сходни в воду и перила, за которые можно держаться.

Иордан в этом месте покрыт вдоль берегов густой зеленью. Множество деревьев олеандровых, тамарисковых и, особенно, наши родные плакучие и простые ивы, так напоминали нам наши родные русские речные ландшафты. Как будто я на моем миллом курском Тускаре, на котором стояла Коренная Пустынь и у самого берега которого была обретена 650 лет тому назад Курская чудотворная икона Знамения Божией Матери, ныне пребывающая с нами в далекой Америке. Однако сходство только кажущееся. Русские равнинные реки медленно, спокойно и величаво несут свои полные воды. В Иордане же течение довольно быстрое, и надо крепко держаться за перила, чтобы тебя не повалило и не унесло вниз по течению.

Не хотелось выходить из воды. Чувствовалась необыкновенная легкость и особо приятная свежесть, притом не только физическая, но и духовная. Радостно, светло, блаженно на душе, восторженно бьется сердце. Паломники называют иногда погружение в священные воды Иордана „вторым крещением“. Это, конечно, неверно: таинство крещения неповторимо, но явная благодатность только что вновь освященных вод святой реки, реально ощущается почти всеми, имевшими счастье погрузиться в ее бодрящие струи. Наполнили и мы, согласно обычаю, сосуды с иорданской водичкой, достали со дна песочку и камешков: хочется поделиться своей радостью с другими, близкими». ¹¹

Лидия Ступенкова (1953 г.): «Священная река быстро мчит свои мутные воды, деревья купают ветви в ней. К воде из-за топи тоже нельзя подойти. Господи помилуй, какое же жалкое запустенье! Срываю прибрежные ветви, и, присоединяя блестящие четки и с шеи крест — я прошу по-английски босоногого араба все это окунуть три раза в водах библейской реки. „Во имя Отца... и Сына... и Святаго Духа...“ Араб понял. С улыбкой подавая их мне, он неожиданно мокрыми ветвями окропил мою голову. О! Господи! На мне священные воды Иордана... <...>

Мы взяли автомобиль, чтобы еще раз увидеть и проститься со священной рекой. Кругом ни души. В заранее приготовленной простыне (из которой по совету матери В. я сошью себе после на живую нитку смертную рубашу) я торопилась со вздохом „помилуй и прости“ и с пением „во Иордане“ омыть свою плоть и душу, а потом, по приказанию моей богомольной проводницы, окунаюсь поодиночке и за всю мою семью... Необыкновенно дороги пережитые ощущения, когда при пении „...и Дух Божий в виде голубине...“ невольно устремлялись глаза к небу... Помоги, Боже, все это сберечь и продлить» ¹².

Из записок Людмилы Рапапорт (1953 г.)

В нашей группе о погружении в Иордан ходило много толков. Я узнала, что бычай требует окунаться в особо приготовленной, длинной рубашке и сохранять ее потом для своего погребения. Все паломники и паломницы хлопотали о своих саванах, и я чувствовала необходимость что-то предпринять тоже. Один иерусалимский знакомый повел нас с М. Д. в магазин, где мы дешево приобрели материал для себя и для мужей. Два дня я сидела за швейной машиной, одуревая от жары, строчила широкий халат в распашку и кроила такую же курточку мужу, чтобы и он, в час оный, причастился благодати Иордановой. Состояние духа при этой работе совсем особенное. Мысль о смерти, такая далекая, абстрактная в повседневной жизни, тут материализуется приготовлением встречи с ней. Мы мерили друг на дружке и даже проявляли некоего рода кокетство, в желании, чтобы длина рукавов и высокий воротник скрыли от живых, которые окружают наш смертный одр, тление нашего мертвого тела <...>

¹¹ Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 134, 140.

¹² Ступенкова Лидия. Пасха в Святой Земле. Мюнхен, 1955. С. 3, 30.

Мы с волнением поспешили к тамарискам, за которыми ощущалось присутствие воды. Какое меня ожидало разочарование! О, Иордан моей мечты — горделивая, торжественная, хрустально чистая река — *deer river*! Ты в действительности смиренная речка, торопливо вьющая свою желтоватую муть. Как же мы в этом быстром, илистом течении окунем наши чистые белые рубашки, наши кокетливые саваны? Все смотрят с удивлением и смущенно переглядываются. Но батюшке — местному старожилу — хорошо знакомо священное свойство этой грязноватой воды. Он не мешкает. Спускается по крутому берегу, черпает полный большой таз и повелительно зовет нас совершить водосвятие.

Солнце невыносимо томит. Воздух как бы замер в тяжелой неподвижности. Слушаем молитвы, поем, а силы нам изменяют. Все наше расслабленное существо мучительно страдает от жары и давления. Ох! Хоть бы окунуться! Но вот молебен кончился и, разделившись на мужскую и женскую половину, мы расходимся по кустам, в которых и спрятаться невозможно, такая их серенькая листва мелкая, прозрачная, колючая. Я надеваю свой саван и мужнин, и, скользя, с трудом спускаюсь к реке.

И вот совершается явное чудо. Я чувствую всю силу этой теплой мути. Как в ней хорошо! Как оживительно в ней окунуться! Какое мягкое ощущение, когда мои больные ноги погружаются в топкий ил. Он, словно нежным кремом, окутывает кожу своей приятной тонкой массой и тает, исчезает, уносимый живой струей. Надетые на меня рубашки постепенно намокают, но не погружаются, а обвиваются кругом меня, увлеченные в сторону бегущим течением, силе которого приходится сопротивляться.

Мои подруги тоже ходят в своих белых одеяниях, заворачиваются в них, грациозно плещутся, окунают свои оббитые косынками головы. Нет больше ни старости, ни немощей. Все в детском восторге повторяют: «Ах, как хорошо! как хорошо!» Неземная радость! духовное ликование! святое облегчение!

Вдруг слышен громкий голос с мягким акцентом. Это мчится стремительный отец Феодосий, в своей развевающейся рясе с широкими рукавами. Он спускается до самой реки, в епитрахили, держа крест с пучком веточек. Пока мы, захлебываясь, поем тропарь, он нам радостно, обильно поливает головы живительными иорданскими струйками. Мы спешим под это водное благословение, и наш восторг не знает предела. «Хорошо нам быть здесь!» Ни палящее солнце, ни тяжесть воздуха, ни течение времени более не ощущаются. Мы все окунаемся, и эти святые, целебные струи становятся нам бесконечно дороги.

Благодарной мыслью я вспоминаю добрую монашенку, которая вручила мне, как величайшую святыню, крошечную бумажечку, где завернута «шепотка высушенного Иорданского ила». Прежнее, ложное, горделивое представление о прозрачности величественного Иордана меня больше не тревожит. Я люблю его таким скромным, каким он есть. О смиренная речка, избранная между всеми реками, научи и нас твоему смирению!¹³

Из записок А. Полетаевой (1955 г.)

По очень тяжелой каменистой дороге поехали дальше. И вот перед нами Иордан. Священная река не широка, но очень быстрая и глубокая; вода выглядит мутно-желтой. Берега покрыты кустарником, тропической растительностью.

После освящения воды с пением крещенского тропаря мы разделились на две группы, и мужчины остались на месте, а мы пошли подалее за кусты. Надев наши белые саваны, мы стали спускаться к воде. О, как было приятно погрузиться в священные воды; где крестился Сам Господь Иисус Христос. Я с головой погружалась семь раз, за себя и за каждого члена моей семьи: так меня научила одна монахиня, и я так и сделала. Вот идет к нам с крестом в руках о. Феодосий: мы начинаем петь крещенский тропарь, а о. Феодосий окунает крест в воду, потом поднимает, и мы каждая торопимся под текущие с креста струи священной воды. Какая неопишуемая

¹³ Рапорт Людмила. Что я видела на Святой Земле. Париж, 1953. С. 61–62.

радость, какой восторг! Кажется, ничего не может быть лучше, утешительнее этого удовольствия, ликуем, как малые дети.

Наши сердца были переполнены благодатью. Каждый купался, как мог, с сияющими восторгом глазами. Даже и те, кто были больны, сейчас в этой священной воде стали здоровы, и веселы. Некоторые даже пустились вплавь, переплывая на другой берег реки; а я не посмела, плаваю я не так уверенно, а течение очень быстрое, невозможно даже устоять на месте, и надо держаться за веревку, протянутую нам милой сестрой Дуней: другой конец был привязан за куст.

Я одной рукой держалась за прибрежный куст, а другой доставала песок со дна реки и складывала его в платок, снятый с головы. Надо хорошо промыть его, чтобы ушла глина, тогда возьму его в Европу на радость тем, кто не имел великого счастья погрузиться в святую воду Иордана. Нужно уже выходить из воды, а выходить не хочется. Что может быть лучше в эту жару, как не сидеть в водах Иордана и окутаться с головой!

Но не прошло и четверти часа, как нашу радость сменила горькая печаль. Метров на десять дальше от нас купались девочки-арабки со своей учительницей, ученицы Вифанской школы, приехавшие на Иордан вместе с нами, паломниками. И мы все время слышали из-за кустов звонкий девичий смех. Потом послышался крик: мы насторожились, но предположили, что они балуются. Но в этот момент мимо нас проплыли две девочки, как бесчувственные тела... Тут поднялся переполох! Те из дам, кто умел плавать, кинулись к ним, успели еще схватить их за волосы и подтянуть к берегу, а там уже общими силами вытащили на песок. Слава Тебе Господи! спасены! Но по берегу бегут другие девочки и кричат: «Еще двоих нет! Всех четыре заплыло!»

Господи: что же это? Две спасли, а других двух и не видали! Все мы бросились выходить из воды на берег: с перепугу дрожат и ноги, и руки, хочу схватиться за куст и не могу, обрываются только листочки. Увидав это, сестра Дуня протянула мне руку и помогла мне выбраться, потом и другим. Все, напуганные, в смятении бегают по берегу. Кого-то послали в полицию, которая не замедлила приехать, и стала с лодок баграми искать девочек. Молодые сильные арабы, скинув одежду, бросились в воду, ныряли подолгу держась под водой: на несколько метров была обыскана река вдоль и поперек, — но все напрасно!

Девочки бегали по берегу, сильно крича, оплакивая своих подруг. Особенно убивалась молодая девушка, их учительница. Паломники повесили головы, убитые неожиданным горем, не зная, что делать, что говорить — все было лишнее, ненужное. В особенности наш владыка, он был совсем сражен этим потрясающим несчастьем, так нечаянно свалившимся на его голову. Отойдя в сторону, понурившись, он шагал взад и вперед по берегу. Конечно, он страдал больше всех... Мне стало так жалко владыку, я не утерпела, подошла к нему и сказала:

— Не убивайтесь так, владыко, что делать! на все воля Божия.

Он печально посмотрел на меня:

— Это так, но все же большая неприятность...

Отойдя, пришла я на то место, где они раздевались чтобы купаться, и вижу — лежат на траве возле зеленого кустика их рубашечки и платица: села я возле их и заплакала, почувствовав всю горечь моим материнским сердцем.

Больше двух часов искали их тела, но так и не нашли. Одной из них было 13 лет, другой 15, имена их — Елена и Фибия, обе арабки, славные девочки. С тяжелым чувством собрались мы на берегу возле владыки петь панихиду по утонувшим: со слезами на глазах молились за новопреставленных раб Божих, девиц Елену и Фибию. Один Господь знает, почему это случилось! Должно быть так лучше для них; отдали души свои Господу Богу в священных водах Иордана...

Домой ехали по хорошей дороге. По приезде в Вифанию я сразу увидела у всех очень печальные лица, а бедной матушки Марфы совсем не было видно: это для нее такой удар. Наш владыка тоже закрылся в своей комнате, наверно молится; даже не выходил на ужин, который тоже был очень печальным. Грусть и скорбь была на

лице каждого паломника, и очень скоро все разошлись по своим местам. Но спать не могли: еще долго тихий говор несся из всех комнат Вифанской обители, а вздохи и плач — из спальни девочек-учениц, где стояли две пустые кровати...¹⁴

Группа паломников из русского зарубежья (1950-е гг.): «Берег здесь более отлогий: тут устроена лестница к воде для спуска в лодку, с которой в Крещенский сочельник торжественно освящается вся река. На берегу поставлен навес, под которым начинается служба, завершающаяся водосвятием. У православных сохранился общий для всех христиан древности благочестивый обычай погружаться в священные воды после их освящения, но это надо делать весьма осторожно, в виду стремительности течения и наличия быстрин, а также неровного, зыбкого дна»¹⁵.

Паломники Н. и М. Х. (1955 г.): «Снова епископ Мефодий собрал нас, паломников, и повез во Св. Землю. Вторичное посещение святых мест не только не ослабило впечатление, но дало возможность более прочувствовать и осмыслить все виденное. Владыка Мефодий обставил переход священной реки Иордан и вступление на Св. Землю с исключительной благоговейностью и духовностью. И когда, несколько дней спустя, мы погружались в иорданские быстрые мутные воды, было радостно и легко, но и трепетно на душе — ведь мы погружались в священный Иордан, воды которого, ныне «помутневшие от людских грехов», принимали Самого Господа Спасителя»¹⁶.

И. В. Флегинская (1964 г.): «Паломники спустились к самому берегу, перекрестившись, смотрели вверх по течению быстро несущейся реки. В середине русла Иордан довольно глубокий и чувствовалось, как вся эта масса воды неудержимо несетя мимо, куда-то вдаль, вплоть до Мертвого моря, куда впадает Иордан. На лодке, около примитивных кладок из досок на столбиках, владыка Мефодий читал молитвы с другими священниками паломничества и погружал троекратно крест в воду реки. Паломники выпили немного святой воды и наполнили ею принесенные с собой бутылочки, чтобы взять их с собой и затем разошлись — мужчины налево, а женщины — направо, вдоль реки, к прибрежным кустам, чтобы снять с себя платье и переоблечься в белые, привезенные с собой, длинные рубахи. Потом паломницы осторожно спустились с невысокого, но крутого берега, к воде.

Для женщин был протянут канат через реку, за который надо было держаться, чтобы не поскользнуться в быстром течении. Около этого же места, на лодке, стоял араб — полицейский и зорко следил, чтобы никто не отделился от каната. Плавать же было абсолютно запрещено. Глядя на быструю воду, думалось, что она должна быть холодной, но, вступив в нее, у паломниц создавалось ощущение какого-то радостного чувства, настолько вода была теплая, мягкая, густая и приятная, она как-то ласкала, облегчая тело, а ноги, хотя и погружались в теплый ил на дне реки, но и от этого создавалось приятное, ласкающее, бодрящее впечатление. На вкус эта вода — пресная, приятная, а на вид она слегка зеленая.

Что было замечательно, это то, что черный ил нисколько не оставил следа, ни на белых рубашках, ни на сандалиях, которые некоторые паломницы имели на ногах при погружении и, хотя ноги глубоко ушли в ил, но и рубашки и сандалии остались совершенно белыми, как ими и были до погружения. Одна из паломниц, которая страдала от простуды и, даже немного сомневалась, как отзовется при ее болезненном состоянии, это неожиданное для ее организма погружение в реку, выйдя из воды почувствовала себя совершенно здоровой»¹⁷.

¹⁴ Полетаева А. По Святой Земле. Впечатления паломницы. Бельгия, 1955. С. 63—67.

¹⁵ Святая Земля. Париж, 1961. С. 116.

¹⁶ Н. и М. Х. Вторично Святая Земля // Православная Русь, 1955, № 18. С. 11.

¹⁷ Флегинская И. В. Паломничество на Святую Землю в 1964 году. Нью-Йорк, 1966. С. 85—86.

Любовь Миллер (1978 г.): «На ночь остановились мы в первом классе отеля у Галилейского озера, и на ужин имели очень вкусную рыбу «апостола Петра», которая водится только в этом озере, а утром двинулись к реке Иордан. Здесь владыка Лавр совершил полное Крещенское водосвятие, и мы все, переодевшись в длинные белые рубашки, под пение „Во Иордане“, погрузились в воду реки Иордан. Надо было видеть счастливые лица всех паломников после этого благодатного погружения. Конечно, все имевшиеся фотоаппараты запечатлели их»¹⁸.

Виктор Петров (США) (1980 г.): «Как-то незаметно подъезжаем к Иордану, с высокого берега видим внизу быстро текущую воду реки. Останавливаемся, по тропинке быстро спускаемся вниз. Опускаем руки в прохладные воды Иордана, святые для нас тем, что здесь, в этих водах Иоанн Креститель совершил обряд крещения над Иисусом Христом. Невольно вспоминаются слова тропаря: „Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение...“, слышанные в далекие времена, в далеком родном городе на севере, в студеной зимней крещенский мороз. Вспоминаются яркое солнце, синее небо, сверкающий, ослепляюще белый снег, крестный ход из всех городских церквей, с морем хоругвей, на застывшую ледяную поверхность могучей реки, и пение: „Во Иордане крещающуся Тебе, Господи...“

У огромной проруби, вырубленной в ледяной толще реки, высится громадный крест из льда, искрящийся под ослепительными лучами солнца. Во время обряда Водосвятия несколько храбрецов скидывают шубы и бросаются в ледяную воду проруби. Как далеко это было от действительного Иордана, вод которого мы теперь касаемся. И температура здесь — не как в суровые крещенские морозы, а теплые, блаженные 85 градусов!»¹⁹

Любовь Миллер (1989 г., вторично): «Еще очень рано и помещение для раздевания закрыто. Но мы, женщины, расположились у стены, где надели свои рубашки для погружения. Я иду по камням к воде, держась за перила. В уме у меня звучит молитва: „Во Иордане...“ Погружаюсь три раза. Вода теплая, нежная. Такое благодатное чувство охватывает меня, такая радость. Ведь в этих водах крестился Сам Господь Иисус Христос. Но не я одна испытываю это, а все паломники»²⁰.

Игумен Никон (Смирнов) (1994 г.): «Все растеклись по берегу, чтобы погрузиться в реку. Вода удивительно приятная, не холодная, не хочется выходить, трижды окунались с головой в воду, стоя по грудь в реке. Пели тропарь, крестились. На душе светло, радостно. Господь сподобил нас этой святыни, которую Сам ознаменовал Своим вхождением в нее и принятием Крещения от св. Иоанна Предтечи»²¹.

Протоиерей Иоанн Грудницкий (1994 г.): «В настоящее время для освящения воды в Иордане выделено место не там, где когда-то крестился Христос, а здесь, недалеко от Тивериадского моря. Возле скалы к реке спускаются каменные ступени, выполненные в виде террас, окруженных цепями. Я вошел в воду. В большие пластиковые бутылки набрали иорданской воды и везли ее потом через таможи в Брест»²².

Георгий Фокин (2001 г.): «Опытные паломники на Святую Землю знают об одном благочестивом обычае: придя на Иордан, они облачаются в специальную белую длинную рубашку, и став в воду, трижды поют тропарь празднику Крещения Господня: „Во Иордане крещающуся Тебе Господи...“ Эту памятную рубашку паломник забирает с собой, в которую его облачают в день его погребения. Узнав об этом обычае уже

¹⁸ Миллер Любовь. Паломничество в Святую Землю и Бари из Австралии // Православная Русь, 1979, № 1. С. 9.

¹⁹ Петров Виктор. По Святой Земле. Вашингтон, 1986. С. 38 (автор использует температурную шкалу Фаренгейта).

²⁰ Миллер Любовь. Египет, Синай, Святая Земля // Православная Русь, 1989, № 12. С. 12.

²¹ Никон (Смирнов), игумен. От Галилеи до Фиваиды. Изд-во «Паломник», 1995. С. 33.

²² Грудницкий Иоанн, прот. Паломничество по Святой Земле в конце XX века. Брест, 1995. С. 19.

на Иордане, я очень сожалел, что не приготовил рубашку. Отец Андроник, спросив меня, хочу ли я погрузиться в Иордан, — на что я только развел руками, — вытащил новую расшитую белую рубашку и передал ее мне...»²³

В водах иорданских

И мал, и бледен Иордан,
И не шумит он величаво, —
Но он — поилец целых стран,
Он извивается кудряво,
И вечно резвою струей
Он широко разносит воды;
Где он — там радость, как весной,
Где он — там жизнь и цвет природы.
Деревья клонятся над ним,
Как бы с любовью укрывают,
И цепи гор хребтом своим
На всем течение защищают.
Прекрасны виды берегов, —
А как назвать, что с ним бывало!
С какой поры, с каких краев
Над ним народа не стояло!
И мы, пришельцы, в свой черед,
Спешим на берег оживленный,
Глядим на бег священных вод,
На бег летучий, окрыленный,
И робко думается нам —
В струях, где Бог крестился Сам,
Омыть и плоть свою купаньем,
Омыть и душу покаяньем...
Под ясным небом тьмы грехов
Святейший Дух незримо внемлет,
И бесконечная любовь
Все забывает, всех объемлет!
Спешит к струям святым народ;
Река бежит и шумно плещет,
И чье там сердце не трепещет
В священном лоне быстрых вод!
Вот в приготовленных заране
Рубашках белых в тишине
Мы погружаемся на дне,
Душа поет: «Во Иордане»...

7 января 1874 г. Иерусалим²⁴.

С. П. (Пономарев Степан Иванович)

²³ Фокин Георгий. Паломничество по святым местам. Ч. 1. Святая Земля // Православная Русь, 2001, № 14. С. 12.

²⁴ С. П. По Святой Земле. Из палестинских впечатлений (1873–1874 гг.). СПб., 1879. С. 74–75.